

Валерий Волченко

АЗИАТСКИЙ РОМАН

Необыкновенная история

Валерий Павлович Волченко

Азиатский роман.

Необыкновенная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612108

ISBN 9785448538742

Аннотация

Остросюжетный роман. Этот мальчишка беззаветно верит в светлые идеалы коммунизма. Из горного посёлка, затерянного в сибирской тайге, он вышел в Большой мир, где причудливо переплелись вера и неверие, любовь и ненависть, алчность, жажда мести и азиатская жестокость. Пройдя через огонь и воду, через ужасы человеческого бытия, он потерял Веру, потерял Любовь и почти потерял Надежду...

Содержание

Часть первая. Дороги, которые нас выбирают	6
Глава первая	6
Глава вторая	34
Глава третья	45
Глава четвертая	53
Глава пятая	62
Глава шестая	69
Глава седьмая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Азиатский роман Необыкновенная история

**Валерий Павлович
Волченко**

© Валерий Павлович Волченко, 2017

ISBN 978-5-4485-3874-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2017
**Валерий
Волченко**

**Азиатский
роман**

Часть первая. Дороги, которые нас выбирают

Глава первая

На вершине горы, в изнеможении упал в траву и вяло размышляю о ситуации, в которую вляпался. Гудят плечи за два дня оттянутые тяжёлой отцовской двустволкой двенадцатого калибра. Любит отец оружие помощнее. А я очень люблю пострелять, поэтому, выходя из дома, для своего лёгкого ружьишка не нашёл ни одного снаряжённого патрона, схватил отцовское. Отдышавшись, с трудом вскарабкался на высокую сосну и осмотрелся, в надежде найти какой-нибудь ориентир.

Дерево покачивается, создаёт ощущение полёта, подомной величественная тайга раскинулась безбрежным океаном. Восхитительно чист и прозрачен горный воздух, наполненный терпковатыми ароматами живицы и хвои. Далеко-далеко синеют горы одного из отрогов Саянского хребта, смыкаются с небом белыми ледяными вершинами.

И никакой зацепки вокруг, которая подсказала бы путь к дому. Одинаковые, словно близнецы, горные гривы вздымаются крутыми сизовато-зелёными волнами до самого го-

ризонта. За их гребни цепляются, лениво проплывающие, белые облака. Вчера меня накрыл плотный молочный туман такого облака, в пяти шагах ничего не видно, я потерял направление и заблудился.

Вышел-то в лес на часок, поискать коровицу нашу, блудливую корову Майку. Стоило выпустить с ней телёнка и, поминай как звали, неделю может домой не заявиться. Она-то дорогу найдёт, а я плутаю второй день, позор для таёжника. Узнают в посёлке, тогда в школе не показывайся, будут насмехаться, Иваном Сусаниным прозовут.

Учил же отец: заблудился не суетись, не рыскай по сторонам, так и сгинуть недолго. В тайге много ключей, ручьёв и речушек, которые всегда выведут к реке и людям. Но я легкомысленно, многократно менял направление, рассчитывая, что вот на этот-то раз оно будет верным. Тайга не прощает суеты и беспечности, и внутри уже поселился растущий червь сомнения, который нет-нет, да и зашевелится.

Узкая звериная тропа привела к каменистому руслу пересохшего ручья. От камней, за день нагретых солнцем, на расстоянии веет теплом. Внезапно, из-под ног раздаётся резкое свирепое шипение, словно на раскалённую сковороду плеснули воды. В испуге взлетаю в воздух, перепрыгивая через большую змею, пригревшуюся на тёплых камнях. Высоко подняв голову, рептилия зондирует пространство вибрирующим раздвоенным язычком, готовая сделать молниеносный ядовитый клевок.

Я залюбовался красивым разноцветным узором на её спине. Спонтанное желание разлохматить гадину дуплетом в упор, отомстить за испуг, проходит так же внезапно, как и возникло. Придерживая, осторожно опускаю взведённые курки. Не видя с моей стороны враждебности, змея торопливо уползает. Пусть живёт, тоже божья тварь, не кусает ведь сразу, вначале предупредит шипением: «Стой, кусать буду!» Если на неё не наступишь, разумеется.

Скоро стемнеет, пора устраиваться на ночлег, надо поспать пока тепло. Прошлой ночью выпала роса, было сыро и холодно, глаз не сомкнул. Прямо на тёплые камни расстилаю охапку мягких пихтовых лапок, сверху прикрываю травой, чтобы не кололись и блаженно вытягиваюсь во всю длину.

Таинственный скрип деревьев в ночи съедивает меня в комок, хочется стать меньше, незаметнее. Жутко кричит ночная птица, а в шорохе мышей мнится подкрадывающаяся змея. Вдалеке визгливо рывкает рысь, дикая кошка размером с собаку. Сразу вспомнились рваные глубокие шрамы, исполозовавшие скрюченную спину, даже в бане опирающегося на батожок, Николая Харина. Однажды, он преследовал рысь по глубокому снегу, на лыжах легко догнал её и, сделал неточный выстрел. Хорошо, быстро его нашли, истекающего кровью, обледеневшего, едва откачали.

Отец говорит все боятся, только делают вид, что им нипочём. Если человек совсем ничего не боится, значит с кату-

шек съехал. То, что я не съехал, отрадно, но подавить страх не получается, взвожу оба курка и кладу ружьё под правую руку. Вот за это, от отца бы крепко влетело. Не терпит он, даже малейшего нарушения правил обращения с оружием.

И не змея это шуршит, змея ползёт бесшумно, даже собака не всегда услышит. Проваливаясь в сон, сожалею, что не взял Томика. С ним ничего не страшно, и теплее ночью вдвоём. Да и не заблудился бы с ним. Стоит сказать: «Томик домой!» И он пойдёт к дому самым коротким путём, изредка оглядываясь и поджидая. А как они с Жульбой просились, лаяли, выли, чтобы взял с собой. Отец запретил! Летом таёжный народ выкармливает своих детёнышей, беззащитных перед собаками.

Снится цыганский табор, раскинувший шатры под нашим посёлком несколько лет назад. Мать не любит цыган и наказывает нам держаться от них подальше: могут обмануть, обокрасть, даже околдовать, и детей они воруют. Но непреодолимое любопытство магнитом тянет нас с Колькой в табор.

Наше воображение поражает старая цыганка, сидящая у тлеющего костерка на берёзовом чурбане, возле входа в полинявшую блёкло-зелёную палатку. Она курит длинную закопчённую трубку и у неё самые настоящие седые усы. Курящих баб нам видеть доводилось, но усы!.. Это не укладывается в голове, непонятно и потому жутко, вдруг она Баба-Яга.

И старуха нас заметила.

– Подойди мальчик! – сказала она громким гортанным го-

лосом, глядя на меня чёрными завораживающими глазами. — Не бойся, судьбу твою скажу, денег не возьму.

— Бежим! — Колька дёрнул меня за руку и засверкал босыми пятками, только его и видели.

С опаской, словно кролик, идущий в пасть удаву, приблизился я к цыганке и замер, уставившись на её усы.

— Запомни, что скажу! — сказала она, поймав мою руку цепкими костлявыми пальцами и рассматривая ладошку. — Судьба твоя, ох как перепутанная! В жизни много найдёшь и всё потеряешь: Веру, Любовь, Надежду. Умирать будешь много раз, но у тебя хороший хранитель, проживёшь до глубокой старости.

— П-почему у Вас усы? — преодолевая страх, спросил я.

— Боишься? — хрипло хихикнула старуха. — Был у меня лишь лёгкий пушок на губе, не нравилось. Молодая была, брила глупая, вот и выросли усы.

Приснится же! Ведь я её тогда про усы только хотел спросить, но не решился. А во сне спросил и даже получил ответ.

Утром, решил не блуждать по сторонам, пошёл руслом этого пересохшего ручья, размышляя о пророчествах старой цыганки. Не прошло и года после той встречи, её предсказания стали сбываться. Я уже несколько раз стоял на узкой грани, между жизнью и смертью.

В апреле река ещё не вскрылась, но вода идёт поверх льда. Мы с Колькой бродим, испытываем новые кирзовые сапоги, обильно смазанные гусиным жиром, покупаемые нам еже-

годно к весенней распутице. Под водой я не заметил проруби и, внезапно, ухнул с головой. Мощное течение горной реки рвануло за ноги, стремясь утащить в бездну. Обламывая ногти, вцепился в скользкие края проруби, с невероятным усилием вырвался из объятий реки и выбрался на лёд. Капли крови падают из-под сорванных ногтей, без следа растворяются в безразличной воде, как будто ничего и не было.

Не прошло месяца, на скалистом берегу этой же реки, я пытаюсь добраться до неприступного отверстия, чернеющего высоко в скале. Очень хочется проверить, что там за пещера. Захватываяще интересно взбираться наверх по отвесной каменной стене, цепляясь за трещины и уступы. Пещера совсем близко, а дальше пути нет, приходится возвращаться. Но и назад пути нет, влево-вправо, тоже нет. Я завис на скале, между небом и землёй. Чуть шевельнёшься, выступающий камень, на котором стою, тоже начинает подозрительно шевелиться, и от этого цепенеет тело, судорогой сводит ноги.

Метра на два ниже виден узенький выступ скалы и кустик дикого крыжовника торчащий из трещины. Спрыгнуть бы на выступ и ухватиться за кустик, да на таком узком разве удержишься, и промахнуться можно.

Шатающийся камень, на котором стоял, обрушился. Время, вдруг, замедлилось и я не падаю, а плавно опускаюсь вниз, словно на парашюте. Спокойно взялся за медленно проплывающий кустик крыжовника, попал ногами точно на выступ и прижался к скале.

Боль в ладони от иголок крыжовника, и боль в пятках, отбитых о выступ скалы, вывели меня из транса. Я сообразил: какое-то чудо спасло меня. Спуститься с этого выступа уже не составляло особого труда.

Против села на реке остров с заброшенной, таинственной водяной мельницей. Через протоку к острову переброшен шатающийся пешеходный мостик. На острове пасёт телёнок парень, лет двадцати, по имени Лёня. Телёнок боится переходить мостик, упирается, так он взваливает его на плечи и переносит на остров. Богатырь Лёня не расстаётся с тяжёлой берёзовой дубиной, даже когда прикуривает, суёт её под руку. Хороший он парень, добродушный, услужливый, всем найдётся место у его костра, с каждым он щедро делится табаком из своего кисета.

Одна беда: наделив Лёню огромной физической силой, разума Бог ему отмерил, как пятилетнему ребёнку.

Буквально, через месяц после моего скалолазания, заглянули мы с Колькой на остров. Посидели у костра, поговорили о том, о сём, покурили из Лёниного кисета, не взятяжку, так, за компанию. Не знаю, кто дёрнул меня за язык спросить:

– Лёня, ты дурак?

– А-аа! – вскочил и, словно медведь, заревел Лёня, да так страшно, что нас с Колькой от костра, как ветром сдуло. Что-то, задев волосы, прошелестело над моей головой и, впереди нас, по дорожке, с грохотом запрыгала тяжёлая берёзовая дубина. А я ведь не хотел его обидеть, так спросил. Любо-

пытно, умным Лёня себя считает или дурачком. Оказалось – это я самый натуральный дурак.

Ещё через месяц, мы с приятелем, тоже Серёжкой, пошли купаться на островок, ниже по реке. Плаваем мы плохо, приятель может проплыть несколько метров, а я держусь на воде только с погруженной головой. Стоит поднять голову, чтобы хватить воздуха, сразу начинаю тонуть.

Островок отделяет узкая, метра три-четыре, протока с очень сильным течением. Решили переплывать с разбегу, нырком. Серёжка первый разбежался, нырнул и, за пару секунд, оказался на острове. Меня снесло, стал погружаться на дно, но почему-то нисколько не испугался, не растерялся, время опять замедлилось, я будто во сне. Коснувшись ногами дна, оттолкнулся и всплыл, вдохнул воздуха и снова медленно опустился на дно, оттолкнулся, всплыл, вдохнул. Так повторилось несколько раз, пока меня не вынесло на мель – подводную косу, идущую от острова. По ней я и добрёл до повергнутого в ужас приятеля.

За три месяца, четыре раза моя жизнь висела на волоске. Это действительно много, уж не околдовала ли меня старая цыганка. Вдруг порчу какую навела? Вот и сейчас, при себе несколько спичек, два дробовых патрона, и не знаю куда иду. Так и буду бродить по тайге, пока окончательно не выбьюсь из сил.

Всё же, пришёл к выводу, что цыганка здесь ни при чём, негоже строителю коммунизма верить во всякую чепуху.

Сам виноват. Мать, ругая нас с Колькой, всегда приговаривает: «И в кого вы уродились, такие непутёвые!» Непутёвый и есть, не лезь куда не надо, и умирать не придётся.

Так размышляя, вдруг заметил, что иду берегом знакомой речушки Крестьянки, бегущей к нашему посёлку и, через некоторое время, наткнулся на отрезанные коровью голову и копыта.

На работу в леспромхоз недавно нагнали высланных из Москвы и Ленинграда тунеядцев, их у нас прозвали «туниками». Туники часто крадут пасущихся на речках гусей. Мужики уже собирались и били их, а гуси всё одно пропадают. Похоже, и до коров добрались, их работа. А может не они? Ходит слух, что егерь Зорин иногда пошаливает, да не пойман – не вор. Голова, слава те Господи, не Майкина. Чья же это была корова?

На следующий день отец пришёл с работы вместе с встревоженной Бабихой, так в посёлке зовут Антонину Бабину. Она живёт без мужа, один её сын Генка, служит на флоте, другой, Витька, мой однокашник. Витька на летних каникулах не бездельничает, его мать устраивает на работу. Раньше на лошади вывозил опилки с пилорамы, в это лето с геодезистами работает, рейку носит. Курит, как паровоз, и Бабиха ему разрешает, говорит: «Пушай лучше на глазах курит, чем будет прятаться, да дом спалит».

Нам с Колькой предки ни за что не позволят. Да мы и сами

решили не курить, не нравится, не раз пробовали. Правда, Колька как-то нарушил уговор, подобрал «бычок», но получив от меня хорошего пенделя, сразу выбросил. На правах старшего я чувствую за него ответственность.

Все лето, после работы и по воскресеньям, Витька с матерью вязанками таскают из леса и сушат траву. Запасают на зиму корове, которую купили весной. Покос им выделили километров за двадцать, на дремучей речке Змейке. Там хорошие покосы, травы тучные, но дороги нет, ни ЗИЛок, ни даже Урал не пройдут. Спросила Бабиha тракториста Федьку Балабанова сколько возмёт, если зимой сено трактором вывезет. Запросил аж двадцать рублей! «Кровопивец, у меня зарплата всего шестьдесят! " – возмутилась Бабиha и отступилась, не стала там косить.

– Серёжка! Сходи с ней, покажи где видел коровью голову! – говорит отец. – Они четвёртый день корову не найдут.

С неохотой откладываю книгу, натягиваю сапоги. Надо так надо. Веду Бабиху вверх по Крестьянке и, в отместку, всё прибавляю скорость, чтобы грузная женщина запросила сбавить ход. Но она не отстаёт.

– Вот, ваша-нет? – подвожу её к останкам коровы. Бабиha не отвечает, будто окаменела. Смотрит на облепленную мухами и муравьями рогатую голову, из глаз медленно набухают и скатываются слезинки. Четыре года, во всём себе отказывая, она копила деньги на эту корову. Я испытываю приступ жалости, трогаю её за рукав: «Тётя Тося, идём! Чего

на неё смотреть?» Она поворачивается и идёт за мной. Иногда оглядываюсь, глаза отрешённые, невидящие. За всё время она не проронила ни слова, но я чувствую, как кричит и бьётся, словно птица в клетке, её душа.

По воскресеньям нас не будят, спим вволю. С вечера собирался встать пораньше, чтобы первому успеть к блинам. Блины мы признаём только со сковороды, свежеиспечённые, горяченькие. Мать не успевает кормить со сковороды разом пятерых, поэтому за стол садимся по очереди, по мере пробуждения. Лёгкий на подъём Колька, всегда первый. Вскакиваю и выглядываю на кухню. Так и есть, Колька сидит за столом и окунает свёрнутый блин в блюдечко со сметаной. Давно сидит, с маслом уже наелся, ест со сметаной, затем будет с молоком, потом с вареньем и чаем. Так у нас заведено, у матери по выходным бывает время приготовить что-нибудь вкусненькое, и тогда едим «от пуза», не спеша, как говаривал грибоедовский Фамусов, «с чувством, с толком, с расстановкой».

Снова ложусь в постель, придётся ждать. Так мне и надо, не спи в другой раз. Под хоровод разных мыслей, незаметно задремал и опять проспал.

Проснулся мелкий Пашка, слышу, мать уговаривает его выпить ещё молочка. Достала всех этим молочком. То пичкала нас тошнотворным рыбьим жиром, потом перешла на парное молоко, говорит полезно. Мне парное не нравит-

ся, отдаёт травой, рябиной и всем, что съела корова. Горькие ягоды рябины наша Майка так любит, что за ними на куст готова влезть.

Однажды моё терпение лопнуло, и я категорически заявил матери, подававшей полулитровую алюминиевую кружку:

– Я тебе не молочный брат телёнка, не буду!

– Ишь, чего удумал! Пей сейчас-же, пока не наподдавала сковородником! – пригрозила она. Угроза не действует, пусть сначала меня поймает. Колька со Светкой тут же ко мне присоединились, тоже не захотели быть братом и сестрой телёнка. Теперь только маленький Пашка пьёт парное молоко. «Молочный брат телёнка!» – дразним мы его, когда не слышит мать. Но Пашке, засадившему кружку молока, по барабану, чей он брат.

Впереди Пашки меня, конечно, не пропустят. Молодым везде у нас дорога, а вот старикам почёта нет. Придётся снова ждать, пока Пашка окончательно проснётся, полчаса будет мусолить один блинчик, да полчаса мать будет уговаривать съесть ещё один.

После завтрака делаем неотложные дела по хозяйству. Скотина не понимает, что сегодня выходной, за ней в любой день уход нужен. Конечно, отец с утра пораньше всю живность накормил, но работы всем хватает. Чтобы более-менее сносно существовать, все мы, в свободное от школы время, трудимся в поте лица. Основные обязанности распределены

и закреплены.

Я водовоз, вернее водонос, круглогодично обеспечиваю хозяйство водой, таскаю вёдрами с речки. Зимой это не трудно, напоить скотину, принести для кухни, да для бани. А вот летом, когда стоит жара и нет дождей, нужно много воды для полива огорода, все плечи собьёшь коромыслом.

Колькина обязанность: чистить коровник, свинарник и птичник, вывозить навоз в огород. Из него по весне, когда дотаивает снег, отец делает парники под огурцы, кабачки и арбузы, а перегнивший, осенью разбрасываем по огороду.

Маленькую Светку мать приучает к женским делам, делать уборку в доме и мыть посуду. Только Пашка не несёт пока никакой трудовой повинности.

Кроме постоянных повседневных забот, есть и не повседневные обязательные дела, это когда «день год кормит». Только я насчитал много таких дней в году. Посадка и прополка огорода, сбор урожая, заготовки на зиму. Летом отец берет меня и Кольку на покос, недели полторы косим и убираем сено. Вкалываем от зари до зари, в июльский зной, пожираемые тучами слепней, оводов, комаров и прочих кровососов. И всё равно, на покосе нам нравится: ночёвки в шалаше, еда, приготовленная на костре, восхитительный морс из студёной ключевой воды и дикой жимолости, растёртой с сахаром. Это незабываемо!

Иногда, вечером, у отца появляется редкая свободная минутка. Он раскрывает свою любимую настольную книжку –

Конституцию СССР и читает нам о том, как нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Вначале, к восьмидесятым годам, в столовых будет бесплатный хлеб, а затем и все товары в магазинах можно будет брать бесплатно. Наступит счастливая жизнь – Коммунизм.

– Выходит, не зря мы на фронтах кровь проливали, – говорит отец. Мы с удовольствием слушаем, верим и мечтаем.

– Коммунизм вам с неба не свалится, его заработать надо, – вмешивается мать. – Не очень-то работать любите, лодыри!

– Пашем, как дети дяди Тома на плантациях! – возражает Колька.

– Я тебе сейчас дам дядю Тома! – непонятно почему возмущившаяся мать, награждает Кольку увесистым шлепком.

– На субботники ходим, макулатуру и металлолом собираем, всё для коммунизма, – добавляю я. – Нашла лодырей!

– Ты бы, что взял за бесплатно? – спрашивает Колька.

– Я конфет наберу полный мешок, – опережает меня Пашка и получает подзатыльник. Нечего встревать, когда мужики разговаривают. Спohватившись, тут же нежно глажу ему ушибленное место. Ведь Пашка хоть и мелкий ещё, но мечтает о коммунизме, соратник значит.

– Молодец! Мужик! – тихо говорю ему. И сморщившееся, готовое зареветь, Пашкино лицо, разглаживается.

– Болван! – презрительно скривился на Пашку Колька. – Деньги нужно брать! На бесплатные товары налетят, расхва-

тают, а за деньги всегда, что хочешь покупай, хоть конфеты.

– Денег не будет, не нужны деньги при коммунизме. Все марш спать! – завершает прения отец. Но прагматичного, всё просчитавшего Кольку мучает вопрос:

– А зачем двадцать лет ждать, до восьмидесятых годов? – допытывается он. – Почему коммунизм сейчас не наступает?

– Сейчас люди ещё не поумнели, рассуждают, как дети малые, как Пашка вон, – поясняет отец. – Сделай бесплатные магазины, враз мешками всё растащат и конец коммунизму.

Засыпая, размышляю о человеческой жадности. Я бы не стал хапать мешками, взял лишь необходимое и всё. Пытаюсь представить, какой он этот коммунизм: передо мной проплывают разноцветные города с огромными, устремлёнными ввысь, домами, невиданные машины, сверкающие летательные аппараты, повсюду фруктовые сады и бескрайние жёлтые поля спелой пшеницы.

Почему-то, к отцу я привязан всем сердцем, всей душой, а к матери испытываю некоторое отчуждение. Не скажу, что её совсем не люблю, но это любовь разумом, от осознания, что так положено. Вероятно, отношение к родителям закладывается с самого раннего детства.

Был совсем ещё мал, когда положил глаз на отцовский карабин, висевший на стене. Я потребовал, чтобы мать дала его мне, закатил скандал, но добился лишь того, что она меня крепко отшлёпала. Пришёл отец и сразу разрешил ситу-

ацию, карабин перекочевал жить на пол. Тяжёлый, мне его даже не приподнять, но отец научил, как обращаться. Сидя на полу, я упираюсь в него ногами, с трудом, обеими руками, оттягиваю на себя рукоятку затвора взводя курок, и толкаю её назад. Затем нажимаю ладошкой на спуск, раздаётся звонкий щелчок и счастьем моему нет предела.

В жизни меня предавали не раз, даже не упомяну всего. Мало-ли на свете людишек, готовых ради шкурных интересов и мать родную продать. Но когда тебя предаёт самый-самый близкий человек – такое не забывается. В будни я, как обычно, предоставлен самому себе и, обследуя окрестности, добрался через поляну до строящегося дома. На крыльце увидел связку дранки, похожей на лучины, которыми мать растапливает печку. Я вспомнил как она пытается нащепать лучин от суковатого полена и бранит отца за то, что заготовил плохие дрова. Надрываясь, тащу дранку домой, мама обрадуется, теперь ей не надо будет щепать лучины и ругать отца.

– Где взял? – спросила мать, когда я с гордостью показал добычу.

– Там, вон в том доме.

– Снимай штаны! – распорядилась она. Я без всякой задней мысли исполнил коварное распоряжение, и началась расправа.

– Мама, не надо! – кричу я, не понимая, почему она меня бьёт пучком дранки.

– Не трогай чужое! – приговаривает мать. – Говори, что больше не будешь!

Всё моё сидячее место в занозах, сочится кровь, больно и очень обидно, я так хотел ей помочь.

– Мама, больше не буду, – наконец сообразил я сказать.

– Неси назад! – всучила она мне дранку. – И покажешь там, как я тебя набила.

Тащить назад ещё тяжелее. Соседка уже дома, что-то делает во дворе.

– На, возьми! – кладу перед ней связку дранки и, спустив штанишки, всхлипываю. – Мама меня сильно-сильно била.

– Вот змея, что сделала с ребёнком! – сквозь зубы возмущается соседка. Она мокрой прохладной тряпицей смачивает мне больные места и вытаскивает занозы.

Отрывочными картинками запечатлелись в памяти тяжёлые послевоенные годы раннего детства. Живём в каком-то вагоне, разделённом на тесные каморки, выходящие в общий коридор. Обитатели не запомнились кроме, жившей через перегородку, ссыльной литовки тёти Панной. Я целыми днями один в вагоне, голодный, всё время хочется есть.

Распахиваю дверь вагона и оказываюсь на высоте, перед круто приставленной лестницей с редкими перекладинами. У меня хватает ума, или инстинктов, не пытаться её преодолеть и не свернуть себе шею.

Возвращаюсь в коридор к окну, где на узеньком подоконнике лежит варёное яйцо, оставленное тётей Панной. Лежит

второй день, наверно она про него забыла? Много раз подхожу и смотрю на него, словно замороженный, и отхожу, сглатывая слюну.

Брать чужое нельзя, но я только посмотрю. Яйцо выскальзывает из рук, падает на пол и разбивается. Не в силах себя удержать, кое-как очищаю и проглатываю пополам с хрустящей на зубах скорлупой.

Первой приходит с работы тётя Панна. Со страхом смотрю на неё: заметит или нет?

– Ну что, сожрал? – устало произносит она и проходит в свою каморку. Я в смятении забиваюсь в свою. Через некоторое время приходит мать с маленьким Колькой на руках, которого после работы забирает из яслей.

– Мама! Я у тёти Панны кокушко сожрал! – с плачем бросаюсь к ней. Мать прижимает меня к себе, и сама начинает плакать, давясь, вздохлёб. Появляется тётя Панна:

– Ну, перестань, что ты на самом деле! Я ведь яйцо специально ему оставила, подкрепиться.

Она садится рядом на лавку и они, теперь вдвоём, упиваются слезами.

Читать я научился с пяти лет, но к чтению книг пристрастился с первого класса, когда попал в школьную библиотеку. Первой прочитанной книжкой была «Девочка дюймовочка». С тех пор читал запоем: историческую, приключенческую и военную литературу, детективы и фантастику. Попа-

дали в мои руки «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса и «Капитал» Маркса. Энгельса я зауважал, чётко пишет, а Маркса так и не дочитал, терпеть его не могу. О жизни за пределами малой родины я узнавал по книгам. Тургенев и Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой, Даниэль Дефо, Жюль Верн, Владимир Арсеньев, Конан Дойл, Лион Фейхтвангер, Генрих и Томас Манн, Ги де Мопассан, Эмиль Золя, Эрве Базен и многие-многие другие открывали передо мной неведомый мир. Я мечтал быть таким, как герои Джека Лондона: вольный народ, путешественники, охотники, ловцы жемчуга, искатели золота и приключений. Книги сделали меня неисправимым романтиком, я мечтал о дальних путешествиях, хотел обойти и увидеть весь мир.

Ходить в лес на охоту я начал, когда мне было около десяти лет и приклад, висевшего на плече ружья, волочился по снегу. Для отца, заядлого рыбака и охотника, это в порядке вещей. Мать возмущается, чрезмерное увлечение охотой и рыбалкой приводит к прогулам в школе и в дневнике появляются двойки.

Любят учителя ставить двойки. Пятёрки ставят малю-юсенькие, еле заметно, двойку же нарисует – в полстраницы, с красиво изогнутой лебединой шеей, только её и видно. Мать раз в неделю проверяет наши дневники. Увидев огромную двойку, неважно чью, она взывает:

– Совсем от рук отбились, не хотят учиться двоечники.

А ну, отец, задай им как следует!

Отец не сторонник экзекуционных мер, но из педагогических соображений, не перечит матери и снимает с гвоздя широкий офицерский ремень, на котором правит бритву.

– Ну, кто первый? Давай Серёжка, ты старший, будь примером!

– А у меня за эту неделю двойка исправлена! – сопротивляюсь я.

– Тогда дай слово, что у тебя совсем двоек больше не будет! – требует мать. Такого слова дать не могу. Слово нужно держать, а в школу ходить ещё четыре года. Подхожу к отцу, поворачиваюсь спиной и, стиснув зубы, молча, выдерживаю несколько несильных, но от несправедливости обидных, ударов ремнём.

– Теперь твоя очередь! – говорит отец Кольке и направляется в его сторону. Колька начинает смешно, по-поросячьи визжать, вцепляется обеими руками в ремень и не даёт отцу взмахнуть. Светка с Пашкой наблюдают события с большой русской печи. Светка предлагает Пашке:

– Давай заревём!

– Давай.

В поддержку Кольке, с печи раздаётся хныканье, быстро перерастающее в дружный оглушительный рёв.

– Отпусти сейчас же! – сдерживая смех, стараясь выдержать строгий тон, говорит отец повисшему на ремне Кольке. Колька крутится вокруг отца, оказавшись напротив двери,

бросает ремень и выскакивает на улицу.

– Вот безбашенный, никогда не подумает прежде, чем сделать! – с каким-то еле уловимым и непонятным мне восхищением, говорит отец. Да, что там «прежде чем», Колька и «после того», не задумывается. Вот и сейчас, минус сорок на дворе, а он в одной рубашонке, босиком, сиганул на улицу.

Колькину безбашенность мне и на своей шкуре доводилось испытывать. Как-то, мы с ним на огороде стреляли в цель из пневматической винтовки. Стреляли по очереди, но в очередной раз Колька не захотел мне уступить.

– Не подходи, убью! – угрожающе сказал он и навёл на меня винтовку. Я не поверил, что выстрелит и сделал шаг. Колька, не задумываясь, нажал на спуск. Меня словно кулаком саданули по челюсти, хорошо не в глаз. А Колька бросил винтовку и удрал.

Я долго останавливал кровотечение, прикладывая к ранке листья подорожника. Пулька, скользнув по кости, застряла в шее глубоко под кожей. Как ни пытался её выдавить, сколько ни ковырял проволокой – всё напрасно. Этот маленький кусочек свинца, засевший рядом с сонной артерией, и сейчас напоминает мне о Колькиной безбашенности.

Мир в семье нарушен. Отец молчит, мать молчит, Пашка со Светкой на печи замолчали, и я помалкиваю.

– Серёжка! Поди посмотри, где он! – первой нарушает молчание мать, в голосе её сквозит беспокойство. Сама за-

вела бузу, а я должен бегать.

– Не пойду!

– Сходи, ты же знаешь, он кроме тебя ни к кому не подойдёт, – настаивает она.

Спорить с матерью бесполезно, всё закончится тем, что она доведёт себя до слёз, а всех остальных до «тоски зелёной». Поэтому, одеваюсь и выхожу во двор. Колька хоть и безбашенный, но не настолько, чтобы гулять босиком по снегу. В баню пробрался или к соседям зашёл.

Люблю рыбалку. Это у меня от отца. С малых лет, в свободное от работы время, он повсюду таскает меня за собой. В кармане у него всегда лежит спичечная коробка с намотанной леской, с запасными поводками и крючками. На речке отец вырезает в кустарнике подходящий хлыст для удилища, привязывает к нему леску и делает заброс. Маленькая самодельная мушка из медвежьей шерсти плывёт в прозрачных струях по течению. Вдруг, на её месте вскипает бурунчик, раздаётся резкое звучное «цвок», и на леске кувyrкается серебристый хариус.

– Дай мне! – прошу отца.

– Держи, не упусти! – говорит он. Крепко сжимаю в руках бьющуюся рыбину. Удержать сильного хариуса довольно трудно, но я справляюсь, через какое-то время он затихает. Неожиданно, впиваюсь зубами в спину рыбы, хариус кажется необычайно вкусным. Вскоре от него остаются голова, го-

лые рёбра и хвост.

– Папка! Если брошу в воду, мясо снова вырастет?

– Бросай, нарастёт! – отвечает отец.

По сей день хариуса, ленка, тайменя и других лососёвых, не говоря уже об осетровых, люблю есть сырыми, присолив на несколько часов с мелко искрошенным луком.

Люблю оружие. Это у меня тоже от отца. Когда мне было лет пять, он сделал лук со стрелой и научил стрелять. С тех пор у меня и возникла эта страсть. Оружием я могу любоваться часами. Оно очаровывает скрытой таинственной силой и строгой элегантной красотой, в которой нет ничего лишнего, всё подчинено единому замыслу, единой цели. Когда в руках оружие, его сила переходит в тебя, и ты становишься совершенно другим. Страсть к оружию, иногда, толкает меня на поступки, за которые приходится расплачиваться. И расплата бывает довольно жёсткой.

По весне мы с Колькой, вооружившись вилками, ловим рыбу в ручье талой воды. Перед впадением в реку, ручей разливается на гладком глинистом склоне тонкой водяной плёнкой. Усачи, идущие против течения на нерест, один за другим с разгона выскакивают на этот склон, всячески трепыхаясь, пытаются преодолеть подъём и попадают под удары наших вилок.

Подъехал верхом на лошади участковый уполномоченный лейтенант милиции Кугешев. С поселковым отделени-

ем милиции мы с Колькой не в ладах. Однажды мы наткнулись на мешок с жёлтыми комьями аммонала, спрятанного взрывниками. Они взрывали известняковую скалу и из дроблённого взрывами камня жгли известь. Пошарив вокруг, я разыскал огнепроводный бикфордов шнур и картонные трубочки-детонаторы. При испытании самодельных гранат, которыми намеревались глушить рыбу, мы залетели. От тюрьги спас малолетний возраст, до четырнадцати мне не хватало трёх месяцев. Начальник отделения милиции тогда сказал отцу:

– Если их будет воспитывать улица, не удивляйтесь, когда попадут за решётку!

– Не знаю, что с ними делать, капитан! – безнадёжно разводит руками отец. – Мы с женой целыми днями на работе.

– Дело Ваше, я предупредил! – сказал, как отрезал, начальник отделения.

Понаблюдав за нами, участковый тоже решил позагорать и порыбачить. Он пустил лошадь пастись, разделся. От моего глаза не ускользнуло, как он подсовывал под свёрнутый чёрно-синий китель кобуру с пистолетом. Шорцы¹, прирождённые рыбаки и охотники, при возможности не упустят случая порыбачить. Подтянув выше колен свои галифе, Кугешев забрёл в ледяную воду и стал переворачивать камни, надеясь найти стоящую под ними рыбу. Постепенно он скрылся

---

¹ Шорцы – Саянские горцы, одно из хакасских племён на юге Сибири, северо–западнее Тувы, верховья реки Томь и её притоки (прим. автора).

из виду. Я метнулся к аккуратно сложенному кителю, растянул кобуру, и воронёный красавец ТТ² оказался в моих руках.

– Бежим! – прошипел Колька, и мы понеслись по лесной тропинке, идущей вдоль подножия горы, в сторону нашего дома.

– Он догадается, что это мы, – на бегу говорит Колька.

– Пусть догадывается, мало-ли кто мог взять, не докажет! – отвечаю я. – Только в сознанку не иди, а то расколешься, как орех!

– Сам ты расколешься! – возмутился Колька. – Меня хоть пытать будут, не сознаюсь! Не прошло и десяти минут, сзади раздался стремительно приближающийся топот конских копыт. Куюгешев на ходу спрыгнул с лошади, выхватил торчавший у меня из-за пояса пистолет и закатил такую оплеуху, что в голове загудело, и я кубарем укатился на несколько шагов. Не сказав ни слова, участковый вскочил на коня и ускакал.

– Эх, коня у него надо было угнать, фиг бы догнал! – сокрушается Колька.

Я опасался, что Куюгешев расскажет матери, но он почему-то никогда не вспоминал этот случай. А мог бы и в тюрьму, четырнадцать мне уже стукнуло.

---

² ТТ — Тульский Токарева, пистолет, состоял на вооружении Советской милиции в пятидесятых — шестидесятых годах 20—го века. Обладает хорошим боем, популярен в криминальной среде (прим. автора).

Люблю охоту. Охотиться вместе с отцом для меня ни с чем не сравнимое удовольствие. Он много рассказывает об охоте и рыбалке, об оружии и снастях, о рыбах, зверях и собаках. Он учит меня видеть и слышать всех, самому оставаясь незамеченным, как не заплутать и выжить в тайге, и много чему ещё. Если хорошо попросить, расскажет какой-нибудь случай из фронтовой жизни. Интересно, дух захватывает!

Сентябрь. Стоит золотая осень. Сегодня, тихим солнечным днём, мы охотимся с вабиком³ на рябчика. Рябчиков много, то и дело слышится их тонкий свист: два длинных и три-четыре, переходящих почти в трель, коротких свистка. У отца вабик изготовлен основательно, из медной трубочки. У меня простенький, я его смастерил перед выходом на охоту, за пару минут, из двух полосок жести от консервной банки.

В лесу я начинаю свистеть: фии-и-и-и-и-ть, фи-и-ить, фить фить-фить-фи. Подождав немного, повторяю призыв и сразу, недалеко, отзывается рябчик. Вновь издаю призывный свист. Неожиданно, рябчик шумно садится на сосну, прямо над головой. Пока я заморожено смотрю на него, грохает двустволка отца и рябчик падает на землю.

– Такой глупый редко встречается, – говорит отец и дальнейшая охота подтверждает его правоту. Другие рябчики,

---

³ Вабик – манок, для подражания голосу дичи и подманивания её под выстрел (прим. автора).

которые умные, упорно не хотят подлетать под дуло ружья. Ещё за полсотни метров садятся и идут по земле, умело маскируясь на местности. Рябчик свистит всего в десяти-пятнадцати шагах, но не показывается. Затем, видимо, заметив какую-то фальшь в звуках вабика, взлетает и мгновенно скрывается за деревьями. И так каждый раз, подходит невидимкой почти вплотную и, улетает.

Не так, оказывается, прост рябчик. Но и мы не пальцем... то есть, не лыком шиты. Применяем другую тактику. Отец, сев на валежину, начинает манить. Когда отозвался рябчик, я прошёл шагов тридцать ему навстречу и неподвижно затаился в кустах. Теперь он должен выйти прямо на меня.

Рябчик постепенно приближается, отвечая на отцовский манок. Через минуту, метрах в пяти, показалась матёрая, с рыжиной в перьях, лесная курочка. Только я стал тихонько поднимать ружьё, как увидел идущего следом за ней второго рябчика, третьего, четвёртого, ещё, ещё и ещё. Целый выводок! Скрывшуюся с моих глаз курочку увидел отец и опять меня опередил грохот его ружья.

Молодняк взлетел и рассыпался по сторонам. Я заметил, что один сел на пихту неподалёку, но никак не могу разглядеть его. Вдруг, сучок, неподвижно торчащий из кучки мха на дереве, чуть шевельнулся. Оказывается, это не сучок и не кучка мха, а умело замаскировавшийся рябчик. Я прицелился и выстрелил, теперь не с пустыми руками вернусь с охоты. Вновь применив такую же тактику, мы добыли ещё

одного рябчика и решили возвратиться домой.

Держу в руках мёртвую поблёкшую птицу, живой он был такой красивый, и мне откровенно жаль, что загубил эту красоту. Я всегда испытываю чувство сожаления, не важно рябчик это, соболь или медведь. Хорошо, отец не догадывается, смеяться будет.

Глава вторая

Октябрь. Отец в это время всегда берёт отпуск на пару недель, чтобы поохотиться на соболя. У меня на душе праздник, отцу удалось уговорить мать отпустить меня с ним в тайгу. На неё подействовали клятвенные заверения, что, когда вернусь, наверстаю все пропущенные в школе занятия. Впервые иду на настоящую большую охоту, на две недели или больше, пока не навалит столько снега, что собаки увязнут и откажутся идти. Мы идём соболевать в кедровники за Белой речкой.

До речки остаётся километров пятнадцать.

– Не дело, ходить по тайге толпой! – говорит отец. – Я с Жульбой пойду левее, к верховьям Белой, оттуда вниз. А ты с Томиком правее, к речке и затем, вверх по ней, мне навстречу. Мы разошлись.

– Если Томик берлогу найдёт, медведя не шевели, вдвоём возьмём! – уже удаляясь крикнул отец.

Как стало смеркаться, я срубил подходящее сухостойное дерево, соорудил нодью⁴ и заночевал. Проснулся под утро от холода, костёр еле тлеет. За ночь всё вокруг побелело, выпал небольшой, сантиметра на три, снежок. Подмокшая

---

⁴ Нодья – специальный ночной костёр из небольших брёвен, длительно горящий, дающий сильное ровное тепло (прим. автора).

старенькая фуфайка⁵ местами промёрзла и задубела. Снег, это хорошо, собакам легче работать по белотропу.⁶ Только бы не навалило по колено, тогда охоте конец, собаки увязнут и не пойдут. Зимы в горах снежные, местами наметает до двух метров, а то и выше.

Я быстро раздул огонь, нагрёб в котелок чистого снега и вскипятил. Грызу сухарь, обжигаясь, заливаю в себя горячую воду, чтобы быстрее согреться. Бросил сухарь Томику, забросал костёр, и мы снялись с места.

Томик – крупная северная лайка, чёрный, с белым галстуком на груди, рыскает по сторонам, иногда пропадая на некоторое время, а затем надолго исчез. Мы с ним добыли вчера хорошего тёмного соболя. Первосортную шкурку в «Заготпушнине» принимают по шестьдесят рублей. Это почти половина месячной зарплаты отца, очень неплохо для нашей большой семьи. В этом году хороший урожай кедровых орехов, поэтому много белки, значит, будет и соболь⁷.

Я спускаюсь в долину Белой речки. Издалека, снизу, донёсся лай Томика. По его частому с подвываниями голосу

---

⁵ Фуфайка, телогрейка, ватник: стёганая ватная рабочая одежда. В СССР, после ВОВ, имела большое распространение, её носили рабочие, солдаты, заключённые и другое население (прим. автора).

⁶ Белотроп – (от белая тропа), видимый след зверя на снегу. Видя след, собака легче и быстрее находит зверя. Без снега (по чернотропу), собака не видит след и пользуется только чутьём, что замедляет поиск (прим. автора).

⁷ Будет и соболь. – Белка – основной корм соболя, поэтому он мигрирует за ней (прим. автора).

понятно, что он загнал соболя на дерево. Когда зверёк прячется под корнями или в камнях, взять его очень трудно. Тогда собака лает по-другому, редко, так как роет лапами землю и, в азарте, обламывает края норы зубами. Иногда, достать соболя невозможно и, приходится насильно утаскивать собаку с такого места.

На этот раз всё будет иначе. Я тихо подойду к высокому дереву на расстояние выстрела, высмотрю соболя и собою его. Томик никогда не даст зверьку упасть на землю, всегда поймает на лету. В радостном приподнятом настроении ускоряю шаг.

Внизу, метрах в трёхстах, хлопнул ружейный выстрел. Лая собаки некоторое время не было слышно. Затем Томик снова залаял, теперь уже яростно, явно на человека. Опять щёлкнул выстрел, на этот раз из малопульки⁸, собака взвизгнула и замолчала. Сердце моё вдруг приостановилось, словно раздумывая, бежать дальше или нет, и побежало рывками, спотыкаясь. Я несусь под гору, не задумываясь о том, что там внизу, где замолчал Томик, если судить по выстрелам, не один человек. И намерения у них, скорее всего, не самые лучшие.

Мы с Томиком друзья. Появился он в моей жизни три года назад, совершенно случайно. Как-то, по осени, возвраща-

---

⁸ Малопулька – так в Сибири называют мелкокалиберную винтовку. Иногда называют тозовкой, по названию выпускавшего её «ТОЗ» Тульского оружейного завода (прим. автора).

ясь домой из школы, встретил толстую Зориху – жену егеря и браконьера Зорина, которая несла корзину с мирно спавшими щенками.

– Тётя Валя, куда Вы их? – заподозрив неладное спросил я.

– На кудыкину гору! – сердито буркнула она. – На речку несу.

– Жалко ведь! – увязался я за ней.

– Жалко, – согласилась она. – Да никто не берёт, куда их девать, шесть штук то. Не прокормишь.

Мне непонятно, это Зорихе не прокормить?! Всё время мясом торгует. Сам Зорин частенько то медведя, то марала или косулю завалит, а то и чужого бычка в лесу скарапчит (*украдёт*), без мяса не бывают.

– Тётя Валя! Отдайте мне!

– Ну, кто тебе разрешит? У вас ведь есть собака. Мать, небось, выбросит или самого топить заставит, – она остановилась. – Ладно, возьми одного.

Я выбрал чёрного, с белым пятном на груди щенка и, сунув за пазуху, помчался домой. Под стогом сена устроил ему тёплое гнездо. Кормил молоком из бутылочки. Из опасений, что мать или отец обнаружат щенка, чтобы он не кричал, каждую ночь дважды тайком выходил покормить его. Мать у нас строгая, точно скажет: «Лучше поросёнка кормить, носи куда хочешь, чтоб и духу его здесь не было». Тем более, что собака у нас есть, здоровенный лохматый Жульба.

Однажды на охоте, прежняя наша собака Берка погибла. Она была смелая, азартная до неосторожности, и нарвалась на удар мощной когтистой лапы медведя. Охоте был бы конец, но у отцовского напарника было две собаки. После долгих уговоров и торга он, наконец, отдал Жульбу за гордость отца – отличный американский винчестер.

Жульба не охотничьей породы, не то водолаз, не то сен-бернар, но в охоте на соболя ему нет равных. Среди собак он драчун и забияка, что не мешает ему панически бояться медведя. Егерь Зорин в бане держал медвежонка, и мне пришла мысль избавить Жульбу от «медвежьей болезни». Я втолкнул его в баню и захлопнул дверь. Будучи в три-четыре раза крупнее медвежонка, Жульба, с жутким воем, вышиб стекло маленького оконца и, оставив на раме клочья рыжей шерсти, удрал домой. Он долго не вылезал из-под крыльца. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы помириться с ним.

Мой щенок быстро окреп, уже ест сырое рубленое мясо и не требует кормить его по ночам. Он узнает меня по шагам, выбирается из убежища и галопом мчится навстречу, когда прихожу кормить, и прячется, слышав приближение кого-то другого. То, чего я боялся, всё-таки случилось. Отец, задавая корове корм, увидел непорядок: стожок сена внизу оказался разворошён. Поправляя сено, он обнаружил щенка и принёс в дом. «Дурак, я мог его случайно заколоть вилами!» – отругал он меня.

Мы сделали щенку тёплую будку. Жульба его обнюхал, перевернул огромной лапой и, не видя соперничества, миролюбиво шевельнул хвостом. Мать тоже сильно не ругалась, поворчала для виду. Отец убедил её, что Жульба уже стареет, а без собаки в доме и в тайге не обойтись. Мы жили в верховьях реки Томь и, по названию реки, щенка называли Томиком.

Мы с Томиком вместе растём, он очень умный. Часто, разговаривая с ним, я говорю: «Ты Томка, тоже человек». Он пытается что-то ответить, старается выговорить какое-то слово человеческим голосом, но у него получаются лишь нечленораздельные горловые звуки. За три года Толик вырос, стал сильным свирепым псом, готовым без колебаний вступить в схватку с медведем и стоять насмерть.

Толик лежит недалеко от берега речки, под высоким кедром, на пропитанном кровью снегу. Увидев меня, попытался ползти навстречу, но сил уже нет, и он уронил голову. В боку собаки небольшая сильно кровящая ранка. Пуля из малокалиберной винтовки, с близкого расстояния, прошила его. Толик умирает. Изредка тоненько взвизгивает от боли, глядит на меня умными глазами. Он словно извиняется за то, что вынужден уйти далеко-далеко, оставляя меня одного. Я ничего не могу сделать для него, только глажу успокаивая. Дыхание его всё тяжелее, с каждым вдохом вырывается стон. Он стонет совсем как человек.

Не в силах смотреть на эти муки, я зашёл сзади, поднял ружьё и направил ствол в голову Томика. Но сколько ни обзывал себя тряпкой, бабой, тюфяком – так и не смог спустить курок. Через какое-то время началась агония. Наконец, Томик судорожно встрепенулся и затих. Осознав, что потерял друга, что он никогда больше не подойдёт и не положит голову мне на колени, я плачу, как маленький ребёнок. Кажется, остался совсем один на свете и бесследно растворяюсь в окружившей глухой тайге.

Вверх по Белой речке, навстречу отцу, я не пошёл. Следы показывают, что злоумышленник один. Видимо, у него ружьё такое же, как у меня, – распространённая в этих местах «Белка». Это хорошая лёгкая двустволка, с вертикально спаренными стволами: нижний ствол гладкий, двадцать восьмого калибра, а верхний малокалиберный, нарезной – пять целых и шесть десятых миллиметра. Дробью он сбил загнанного собакой на кедр соболя, а когда Томик поймал падающего зверька и не захотел отдать чужаку, выстрелил в него из малокалиберного ствола.

Отец рассказывал мне, о таких разбойниках. Эти люди промышляют в тайге не охотой или сбором кедровых орехов. Взять зверя из-под чужой собаки, не единственное их занятие. Такой не задумываясь, убьёт охотника, чтобы завладеть приглянувшимся оружием, или старателя, за крохи намытого золота. Он ведёт себя нагло и самонадеянно, у него преимущество внезапного нападения. Отец не раз преду-

преждал меня: при встрече в тайге с незнакомыми людьми, не показываться им и сразу скрытно уходить.

Злодей идёт вниз по берегу Белой речки. Следы от резиновых сапог сорок пятого размера говорят, что это мужчина высокого роста и не из местных. Шаги несопоставимо с ростом короткие, след глубоко вдавлен, так идёт очень тяжело нагруженный человек. Пришелец не удаляется от речки, значит, не знает этих мест и надеется по её течению выйти к реке Томь и идущей вдоль неё железной дороге.

Я здесь вырос и ориентируюсь, как в собственном доме. Белая речка, километров через пять, заканчивает свой путь, впадая в более полноводный Изас. Здесь тропа раздвоится. Правая уходит в глухие, безлюдные, труднодоступные места. Левая ведёт вниз по правому берегу Изаса, доходит до непропуска⁹ и, поднимаясь по узкой каменной террасе на тридцатиметровую высоту, заканчивается на краю обрыва. Пришелец, не зная местности, по правой тропе не пойдёт, предпочтёт двигаться берегом. Сейчас он, вероятно, поднимается на непропуск и, дойдя до обрыва, вынужден будет возвращаться назад.

Я, с разбега, перемахнул через Белую речку, прошёл вверх по Изасу до мелкого переката и перебрёл на его левый берег. Против тёмно-сизой известняковой громады непропуска залёг за полусгнившей валежиной и перевёл курок на на-

---

⁹ Непропуск – отвесный скальный массив, уходящий основанием под воду. Делает невозможным проход по берегу реки, не пропускает (прим. автора).

резной ствол. У меня острый глаз, на полсотни метров срежу пулей любую, на выбор, ветку на дереве. До скалы будет дальше, метров сто пятьдесят, но и человек не веточка, потолще будет. Он уже возвращается, по узкому уступу, прижимаясь вплотную к скале. На спине возвышается огромный рюкзак, ружьё в правой руке.

Чёрная мушка, сравнявшись с плечиками прицела, замерла на его голове. Палец на спусковом крючке окаменел, не могу стронуть с места. Несколько раз сжал и разжал кулак, разминая пальцы, и снова прицелился. Странное дело, как только ловлю цель, палец на спусковом крючке отказывается повиноваться. Отвёл мушку немного в сторону – щёлкнул выстрел. Пуля высекла из скалы белый дымок каменной пыли рядом с его головой. В испуге, он отпрянул от скалы и, балансируя руками, пытается удержаться на краю уступа, но тяжеленный рюкзак за спиной тянет в пропасть. С леденящим душу криком он полетел вниз, ударился о каменный выступ и, перевернувшись, подняв высокий фонтан брызг, ушёл под воду.

Изредка срывающийся снежок, густо повалил крупными влажными хлопьями. Пусть валит, моей охоте всё равно конец. Пусто и тоскливо на душе, я возвращаюсь похоронить Томика. Внезапно, навстречу выскочил рыжий лохматый зверь, налетел с объятиями, больно ткнул носом в губы.

– Жульба! Ты меня свалишь дурень! – не меньше его обрадовался я неожиданной встрече. Вскоре показался отец,

спешивший по моему следу, вид у него встревоженный.

– Зачем ты его убил? – раздражённо спросил он.

– Он сам упал.

– Ты стрелял, я же слышал, – настаивает отец. Только когда я рассказал подробно, как всё произошло, он успокоился.

Мы похоронили Томика на берегу Белой речки. Под тем высоким деревом, на которое он загнал последнего, в своей коротенькой жизни, соболя. Отец сделал топором затёску, и я ножом вырезал в мягкой древесине кедра прощальные слова для Томика:

Я говорил: ты человек. Прости.

Среди людей такого друга не найти.

Жульба, молча сидевший рядом, вдруг задрал морду к небу и таёжную тишину прорезал его хриплый, до жути тоскливый, волчий вой. Я отвернулся от отца и стал переобуваться, меняя сено в броднях¹⁰, чтобы он не увидел мои глаза, наполненные слезами.

Какие-то сомнения у отца остались. Когда мы вернулись домой, он первым делом обработал наждачной бумагой нулёвкой канал ствола, боёк и экстрактор моей «Белки».

– Зачем ты портишь ружьё? – спросил я.

---

¹⁰ Бродни – лёгкая охотничья кожаная обувь, выше колена, без подошвы, напоминает чулок. Пропитывается жиром водоплавающей птицы, стельками служит сухое сено, меняемое ежедневно. Не пропускает воду, позволяет бесшумно передвигаться в лесу (прим. автора).

– Если найдут тело, достанут пулю, милиция соберёт в посёлке все ружья. А пуля-то окажется не из твоего ружья.

– Я же тебе сказал: нет в нём никакой пули!

– На нет и суда нет, а бережёного – Бог бережёт. И не вздумай языком щёлкать, даже Кольке! – он поднёс кулак к своему носу.

Глава третья

Время пролетает быстро, незаметно. Кажется, ещё вчера бегал босоногим мальчишкой и вот, уже оканчиваю школу, сдаю выпускные экзамены. Мать наставляет меня, как успешно сдать всё:

– Утром вставай с правой ноги и проси: «Святой Никола-Угодник, помоги мне!»

– Поповские сказки! – возражаю я.

– Ты не слушай никого, сделай, как говорю! И, выходить из дома будешь, через порог ступай правой ногой, и снова проси. Можешь мысленно, не обязательно вслух, – настаивает она.

Я не верю ни в Бога, ни в чёрта, но выпускные экзамены – это не шутка. Проснувшись следующим утром, ставлю на пол правую ногу и произношу молитву собственного сочинения: «Господи! Прости, спаси и помилуй меня раба твоего грешного! Святой Никола-Угодник, помоги мне рабу божью!»

Перед экзаменом все собрались в классе, сегодня сдаём химию, мой нелюбимый предмет. Учительница раскладывает на столе билеты.

– Ты готовился? Знаешь хоть что-нибудь? – спрашивает она меня.

– Не идёт мне химия в голову, Тамара Васильевна, – при-

бедняюсь я, хотя готовился и уверен, что на тройку-то сдам обязательно.

– Вот смотри, билет номер один я кладу сюда, заходи первым! – показывает сердобольная учительница и выгоняет нас из класса. Не иначе, начал действовать Святой Николай-Чудотворец.

Приходит экзаменационная комиссия, звенит звонок, экзамен начинается. На входе в класс, впереди меня, неожиданно с силой вклинивается рябая Наташка Харлова – дочь начальника ОРСа Золотопродснаба. Она первой подбегает к столу и, хищно оглядываясь, обеими руками накрывает билет номер один, мой билет. Тамара Васильевна с сожалением смотрит на меня, но в присутствии комиссии ничего не говорит.

Мне достался двадцать четвёртый билет. Эти вопросы я знаю и сдал химию на четвёрку. Но я уверен, билет этот мне подогнал Николай-Чудотворец. Мать была права, и я постоянно в этом убеждаюсь. По пустякам стараюсь не надоедать ему, но когда припрёт...

В спортзале школы накрыты столы, гремит музыка, гудит выпускной бал. Мы прощаемся со школой, с беззаботной юностью. Впереди взрослая жизнь, новые надежды и мечты. Время уже за полночь, но никто не собирается уходить. По традиции, с утра планируется продолжение, пикник в лесу на речке. Только Василий Петрович, директор школы, по-

шёл отдохнуть в свой кабинет.

Василия Петровича уважаю, не потому, что директор. Мне кажется, что он понимает меня, как никто другой. Василий Петрович вёл у нас физику и, когда я задавал ему вопрос, он сокрушался, почему такой вопрос больше никому не пришёл в голову и отмечал у меня нестандартное мышление. «Вот из таких людей получаются великие учёные!» – назидательно говорил он. И, с сожалением, добавлял: «Если они не прогуливают занятия».

Посреди зала чарльстонят Юра Краснов с похожей на цыганку Томкой Звонарёвой. Я не танцую, суровый таёжник все-таки, а не клоун какой. Вновь поднимаю и выпиваю уже четвертую или пятую стопку водки. Пожалуй, я пошёл бы танцевать, но лишь с одной девушкой. Предмет моего вожделения – молоденькая учительница литературы и русского языка, Валентина Сергеевна. Она сидит и смотрит на танцующих, а я подсматриваю за ней.

Сменяется музыка, грохочет зажигательный рок-н-ролл. В зале началось настоящее столпотворение. «Вот сейчас подойду и приглашу её», – я стал выбираться из-за стола. Но она, как назло, поднялась и вышла из зала. Следую за ней, выпитая водка придаёт мне решимости. Мысленно прокручиваю, что скажу, но все слова кажутся слишком банальными. Для такой девушки, нужны особые слова, но никак не могу их найти.

Может быть, меня тормозит то, что она на несколько лет

старше? Так девчонки, с которыми раньше имел «амурные» дела, тоже были старше. Меня раздражает моя тормозность, никак не могу ответить на вопрос: почему, когда был намного моложе, во втором или третьем классе, то никогда не задумывался, что говорить девчонкам и никогда не искал подходящего повода для общения. Все происходило естественно, само-собой:

– Верка! – кричу я, завидев сидящую на заборе, соседку четвероклассницу. – Ты читала новые стихи Маяковского? И декламирую ей нецензурный куплет, втихаря подсмотренный в потайной тетрадке семиклассника Игоря:

*### для нас, что для китайцев рис,
мой, словно телеграфный столб топорщится,
Мне наплевать, кто подо мной, королева или уборщица.*

– Подумаешь! – презрительно выпячивает губу Верка и, порывшись за пазухой, достаёт, сделанный из обрезанной наполовину ученической тетрадки, альбомчик. Я взбираюсь к ней на забор, мы перечитываем написанные мелкими буквами частушки и стишки, которые по благопристойности ничуть не уступают моему куплету от «Маяковского». Верка, под мою диктовку, мусоля химический карандашик, записывает его в свой альбомчик. Совместная увлечённость «поэзией» сближает. Психологический контакт установлен, дальше в ход идут сладости. Достаю из кармана пряник, получен-

ный от работающей в магазине матери, и начинаю его грызть.

– Дай укусить! – просит Верка.

– Бери весь, я у мамки в магазине ещё возьму.

Такое великодушие очень располагает. Пока Верка наслаждается пряником, я продолжаю оболащивание:

– Я бы рассказал тебе кое-что, никто ещё не знает, но ты ведь всем разболтаешь.

Мне пока невдомёк, как сильно сближает людей общая тайна, но я интуитивно, иду верным путём.

– Вот те крест, никому не скажу! – крестится Верка. Среди пацанов клясться крестом не принято, не убеждает. Требую, чтобы Верка поклялась более страшной клятвой.

– Повтори: «Суканайки не проболтаюсь, если проболтаюсь, стану сукой!»

Верка торжественно повторяет клятву и тогда, я «сдаюсь».

– Вчера, как стемнело, физрук Владимир Иванович завёл в баню нашу училку, Ефросинью Петровну, и они только утром вылезли оттуда.

– Врёшь! – изумляется Верка. Я не даю ей опомниться.

– Не вру, можешь у Кольки спросить, мы с ним вместе подсматривали. Пойдём в баню, посмотрим.

Мы заходим в тёмную баню. Пришло время, идти на абордаж.

– Ну подожди, трусы сниму! – придушенно говорит Верка, когда обхватив, пытаюсь повалить её на полоч.

Нет, чем человек моложе, тем решительнее ведёт себя

с женщинами. Но сейчас, я разве трус? Просто, раньше относился к девчонкам, как к равным себе. Сейчас совсем не то, Валентина Сергеевна – Богиня. И вообще, раньше меньше думал, больше действовал. Сейчас слишком много размышлять стал: банально это, или не банально. Действовать надо. Дей-ство-вать!

Валентина Сергеевна, тем временем, скрылась за углом коридора. Завернув за угол, её не увидел. Наверно, решила отдохнуть в пустом классе. Поочерёдно проверяю классы, тяну за ручки дверей. Уже обхожу другую сторону коридора, все двери заперты.

Наконец, одна дверь приоткрывается. В проникающем через окно свете уличного фонаря, вижу бледные, непристойнодвигающиеся, ягодицы директора школы, блестит его загорелая лысина. Вижу разложенную на учительском столе Валентину Сергеевну, её красивые стройные ноги, обхватили шею Василия Петровича. Я бросился прочь: «Как она может? Ведь он старый, лысый. А она, такая молодая, чистая и непорочная». Осознав, что последняя мысль не совсем соответствует истине, поправляюсь: «Тварь! Дрянь! А ещё на уроках такие истории о высокой любви нам рассказывала. А вдруг этот старый негодяй её принудил, он ведь начальство! «Мне очень хочется её оправдать, и я начинаю винить Василия Петровича: «Старый козёл, ведь у тебя жена и дети, внуки уже есть!» – мысленно укоряю я его. Моя пьяная фантазия награждает директора школы прозвищами, из которых

самые ласковые: «старый развратник» и «грязный прелюбодей». Мне от этого становится смешно, так и прыскаю после каждого, удачно придуманного, прозвища. В три часа ночи дотащился домой и уснул крепким сном с мыслью, что между мной и Валентиной Сергеевной «всё» кончено.

Утром, неведомая сила понесла меня в лес на речку. На живописном берегу собралось больше половины класса, присоседились несколько посторонних. И Василий Петрович здесь, и Валентина Сергеевна. Меня почему-то обрадовало, что они сидят, далеко друг от друга, но какая-то обида во мне жива. Непочатой водки стоит ещё целых полтора ящика, и закуски навалом. Кто-то подал мне стакан с водкой, поправить голову. Я выпил её словно воду, не чувствуя остроты и горечи.

Через некоторое время Валентина Сергеевна поднялась и, пошатнувшись, ухватила за ветвь цветущей черёмухи. Моряк, крепко сбитый парнишка, сидевший рядом с ней, встал и, поддерживая, повёл в сторону. Вообще-то, он никакой вовсе не моряк, а мой одноклассник Витька Бабин. Моряком его прозвали потому, что он всегда ходит в выдавшей виды застиранной и перештопанной тельняшке, брат его раньше служил на флоте. Вижу, Моряк подхватил Валентину Сергеевну на руки и скрылся с ней в лесу.

Выждав некоторое время, я встал и потихоньку пошёл в другую сторону. Сделав большой круг, наткнулся на Моряка и Валентину Сергеевну, совокупившихся на небольшой

зелёной лужайке. Некоторое время с изумлением смотрел на них и затем во всё горло крикнул: «Вы чем это здесь занимаетесь?!»

Они даже внимания на меня не обратили. Через некоторое время Моряк поднялся и, застёгивая брюки, с мокрыми белёсыми пятнами вокруг гульфика, сказал:

– Давай ты! Будешь? – он подтолкнул меня к Валентине Сергеевне, распростёртой на траве, с задранном подолом и тонкими кружевными трусиками на одной ноге.

– Не-не хочу, н-не буду! – преодолевая дикое желание и от этого заикаясь, ответил я.

– Ну, тогда пойдём, выпьем! – сказал Моряк и мы, оставив Валентину Сергеевну, присоединились к компании.

Богиня, созданная юношеским воображением и вознесённая на недостижимую высоту, вдруг рухнула, и лежит в грязи развенчанная. Я больше не обожаю женщину. Даже не ставлю на один уровень с собой, это низшее существо, сотворённое из ребра Адама.

Глава четвертая

В «Большой мир» из маленького таёжного посёлка я вышел натуральным дикарём, хорошо знающим тайгу, с обитающим в ней зверьём и совершенно не знающим людей. Голова набита своеобразными понятиями, суевериями и предрассудками: нельзя верить цыганам; люди с редкими зубами вруны; женщинам нравится, когда их берут силой; мужская дружба, это святое, друг никогда не предаст.

Реальная действительность оказалось иной: не предаёт лишь собака, а предают, исключительно, друзья. Не будь друзей, предавать тебя станет некому; врать способны все, цыгане иногда говорят правду, а люди с плотными зубами врут с таким искусством, что редкозубым и не снилось; одним женщинам действительно нравится некоторое насилие, других, даже случайное проявление грубости оскорбляет. А некоторые... сами проявляют насилие! Одна меня укусила, больно, из губы полилась кровь.

– У тебя крыша съехала! – возмущённо заорал я.

– Ударь меня! Ну бей же! – простонала она и вцепилась зубами в моё плечо. И я сделал то, чего раньше даже в мыслях не мог себе позволить: ударил женщину. Да так, что улетела с кровати.

Так «Большой мир» знакомит меня с премудростями, накопленными человечеством за всю его историю, исправляет

сумбур в голове, расставляя всё по своим местам.

Кажется, вся моя жизнь состоит из сплошных экзаменов и неизвестно, закончатся ли они когда-нибудь. Сдаём римское приватное право. Перед экзаменационной аудиторией в коридоре творится что-то невообразимое, народу, как селёдок в бочке. Здесь и второй, и третий и, даже с четвёртого курса есть студенты. Два года некому было принять экзамены по этому чёртову римскому праву. Сейчас приехал экзаменатор, профессор из Ростова, всего на два дня. Не сдашь – переэкзаменовки не будет, ему бы успеть, по первому заходу всех пропустить.

Профессор оказался неплохим мужиком. В аудиторию запускает по пятнадцать-двадцать человек. У кого не получается сдать с первого раза, он предлагает позаниматься и позже, зайти снова. Я тоже получил такое предложение.

А как иначе? Если вместо изучения римского права, приспособился проводить вечера и ночи напролёт с этой профурой Катькой Ткачук. Стоило мне лишь два дня у неё не появиться, как эта шалава моментально загуляла с другим. Как будто я ничто, так себе, а ведь рычала подо мной, словно львица. Утверждала, что зарежет всякую, которая приблизится ко мне на критическое расстояние. Всё, теперь даже разговаривать с ней не буду.

Теперь я понял, что неправ был, забросив занятия. Заниматься нужно систематически, жаль, что «хорошая мысль,

приходит опосля»

– Как так можно извратиться, не ответить на элементарные вопросы? – недоумевает друг Русик, узнав на чём я завалился. Руслан учится на отлично, хотя я ни разу не видел, чтобы он сидел за учебниками. Умный парень. Сейчас скажет: «Предупреждал я тебя, не связывайся с Катькой!»

– Давай пиджак и зачётку! – говорит Русик. – В такой суматохе он никого толком не запомнил.

– Ты что? Поймают, обоих отчислят! – не очень уверенно отговариваю я его. Руслан примеряет мой пиджак и, словно крыльями, махает длинными свисающими рукавами.

– Твой не пойдёт. Дайте кто-нибудь большой пиджак! – обращается он к окружающим. Кто-то снимает с себя и отдаёт пиджак. Этот подходит, хотя и большой, но не скажешь, что с чужого плеча.

Тридцать минут, на которые Русик исчез в аудитории, кажутся вечностью. Наконец, он выходит и подаёт мне зачётку. По римскому приватному праву стоит четвёрка. Проходит несколько минут.

– Давай пиджак и зачётку! – говорит Русик другому неудачнику. «Не делай этого, залетишь!» – теперь уже все окружающие стараются удержать его, да куда там. На Руслана сошёл кураж, он заходит и, возвращается с очередной четвёркой.

– Следующий! – говорит он. – Давай пиджак и зачётку! Меняя пиджаки и причёски, Русик сдал в этот день рим-

ское приватное право пять раз. Перед последним заходом, даже сбегал подстригся в парикмахерской неподалёку.

— Ну, ты и авантюрист! — с восхищением сказал я ему.

— Скажешь тоже! Это не авантюра, правильная оценка обстановки, только и всего. Учись сынок! — шутливо поддел он меня.

Русик предложил прошвырнуться по парку, попить пивка. Подобное предложение должно было бы последовать от меня, это я должен пригласить Русика в ресторане посидеть. Но в карманах моих так тоскливо, что даже радость от сдачи экзамена какая-то потускневшая. Всё промотал, чёрт бы побрал эту Катьку, за неделю улетело то, что рассчитывалось на месяц.

Деньги мне раз в месяц присылает мать, с подробной инструкцией, как тратить. Все скрупулёзно рассчитает на каждый день: суп, котлетку, гарнир, чай, компот или молоко. Ни копейки лишней, чтоб не забаловал. Я понимаю, что нас у неё четверо, но уж больно скупое, до безобразия. Отец бы на деньги не поскупился, жаль у него их никогда не бывает, зарплату сразу отдаёт матери. Разве, что после фартовой охоты, сдаст пушнину, примет слегка на грудь, всем купит подарки, и оставшиеся деньги опять матери. Нет, не скоро мне пришлют денег. Придётся ночами походить с ребятами на заработки, на станцию, вагоны разгружать.

Была у меня, вполне бюджетная, хорошая скромная девочка, позволяла себя немного потискать и довольно. И вот,

на очередном свидании заявила, что выходит замуж за какого-то учителя танцев. Иногда мне кажется, что главный признак, по которому женщина предпочитает мужчину – наличие у него денег, только верить в это не хочется. А Катька, красивая стерва, товаристая, и совсем ручная. Как тут устоишь, если из тебя дурь так и прёт через край.

В парке, легка на помине, навстречу гребёт Катька Ткачук с каким-то ффраерком, в руках у него коричневая Катькина сумка.

– Привет Серый! – как ни в чём ни бывало, сказала она.

– Мы разве с Вами знакомы? – изображая удивление, спросил я.

– Ах ты сволочь! – подпрыгнула и на весь парк завопила Катька. – Посмотрите на него люди хорошие, спал со мной, а теперь мы оказывается незнакомы!

Ффраерок попятился-попятился и пустился наутёк.

– Стой гад, сумку отдай! – бросилась за ним Катька. Русик так и покатился от хохота. Мне, глядя на него, тоже стало смешно. Мы не могли успокоиться от приступов смеха несколько минут, даже прохожие стали изумлённо оглядываться: не сошли ли эти двое с ума.

Телевизоры у населения в Советском Союзе только-только стали появляться и это большая редкость. Мы собираемся у Вани Темных, студента из нашей группы. У него вольготно, живёт в двухкомнатной квартире один, отец с мате-

рю работают за границей. Допоздна смотрим телевизор, ночью слушаем приёмник. У него импортный, ловит запрещённые в СССР голоса: Голос Пекина, Голос Америки, Немецкая волна и другие. «Хрущёв – это мот и транжир. Он промотал и растранижил все запасы зерна в Советском Союзе», – вещает пекинское радио.

– Буржуазная пропаганда, враньё, китайские ревизионисты у себя всех воробьёв и крыс сожрали, вот нам и завидуют, – заявляет хозяин квартиры.

– Понятно пропаганда, но хлеба-то действительно нет, в магазине не больше булки в руки дают, – возразил Русик.

– Это не буржуазная, это социалистическая пропаганда, – говорю я. – В Китае же социализм!

– Никита, лысый хрен, всю страну кукурузой засеял, а она вызревает только на юге. В других местах годится лишь на корм скоту, потому и хлеба нет.

Немного поспорив, сходимся на том, что «лысый хрен» тормозит нам переход в светлое будущее человечества Коммунизм, а китайские «хуйвэнбины» давно не получали по зубам, потому залупаются, и их следовало бы проучить.

По окончании университета я планирую стать адвокатом, по примеру двоюродного брата Юры. Он рассказывал, какая это интереснейшая работа. Но, мои перспективные планы всегда реализуются с изменениями, с такими финтами, что потом и не поймёшь, в лучшую или худшую сторону из-

менилось. Так получилось и здесь. Я на пятом курсе. Однажды, в перерыве между занятиями, ко мне подошёл староста группы Костя Батурин:

– Серёга, иди к декану, срочно!

– Зачем? За что? – недоумеваю я.

– Откуда мне знать, кажется, там кто-то из военкомата сидит.

– Так, у меня же отсрочка.

– Иди, там все узнаешь! – сказал Костя и ушёл.

Я постучал в дверь кабинета декана и приоткрыл:

– Разрешите, Александр Иванович?

– Заходи, заходи! – сказал декан. – Вот товарищ хочет с тобой поговорить, а я пойду, не буду вам мешать.

У окна мужчина, лет тридцати пяти, в элегантном костюме стального цвета, под цвет его глаз. По каким-то неувеличим признакам чувствую в нем военного.

– Давай Сергей, будем знакомиться, – протянул он руку. – Старший оперуполномоченный КГБ капитан Дементьев.

– Сергей Волков, – отвечаю, оторопев от того, что мной заинтересовалась организация, о могуществе которой ходят легенды. Раньше мне доводилось иметь дело только с милицией. А в голове лихорадочно засуетились, забегали мысли: «Анекдоты про руководителя страны рассказывали, „Лысым хреном“ его называли. Говорили, что Хрущёв культ личности Сталина развенчал, а сам, как и Сталин, узурпировал власть и ведёт страну не туда, пора его менять. Среди нас

завёлся стукач, да кто же это? Вычислю, он пожалеет, что на свет родился!»

Дементьев задал несколько ничего не значащих вопросов об учёбе, пишу ли родителям, все ли дома здоровы. Затем, я всей кожей и потрохами почувствовал, он перешёл к делу.

– Как ты смотришь на то, чтобы Родине послужить? – задал вопрос Дементьев.

– У меня отсрочка от армии до окончания университета! – начал упираться я.

– Я не о срочной службе и не об армии говорю. Речь о службе в органах государственной безопасности.

– Не думал об этом. Мне до диплома меньше года осталось. И вообще, я плохо представляю такую работу, отвечаю я, а сам думаю: «Наверно, в стукачи хочет меня определить? Только и не хватало: сексотом стать!»

– Насчёт диплома не переживай, диплом получишь. Представление о службе и необходимые навыки тоже получишь. Сначала отправим тебя на подготовку, шесть месяцев поучишься в специальной школе. Начнёшь работать, тоже один не останешься, помогут. Соглашайся, не пожалеешь!

– Неожиданно как-то, – замялся я. – Словно в омут с кручи.

– Так ты, вроде, не робкого десятка, – подбодрил Дементьев. – Сиганёшь и в омут, я тебя заочно изучил немного. Кстати, ты почему не в комсомоле?

– Так получилось, в пионеры класс принимали, болел.

Потом, пионеров автоматом в комсомол зачислили, мне не предложили, набиваться не стал. И, с милицией был не в ладах.

– Ладно, это я беру на себя, будет тебе комсомольский билет. Так что, по рукам? – он вновь протянул руку и, я не сумел отказать.

Глава пятая

Мы слушатели шестимесячных курсов первоначальной подготовки. Находимся на казарменном положении. Тем, кто отслужил в армии, дышится вольготнее, они знают службу, поэтому назначены старшинами и командирами отделений. Нас, не служивших, они называют «зелень» или «ботва». На строевой и физической подготовке, в наряде на кухне, из «ботвы» беспощадно выжимают все её зелёные соки. Надо терпеть, КГБ – передовой вооружённый отряд КПСС, слабаки здесь не нужны.

В основном, здесь выпускники ВУЗов, но есть и ребята из техникумов. Взять хотя бы Аркадия Прилепского, он окончил техникум советской торговли. В казарме наши кровати стоят рядом. Прилепский считает, что мы с ним друзья. Не спорю по этому поводу, но я так быстро друзей не завожу и пока только присматриваюсь. В душе считаю, что мы просто приятели. Арканя чересчур, до назойливости коммуникабелен, но это возможно не минус, а плюс для будущего контрразведчика или разведчика. Хотя, в человеке всё должно быть в меру.

Когда Прилепский первый раз появился в комнате, он обстоятельно разложил вещи в своей тумбочке и предложил мне пойти покурить. Я к курению равнодушен, но пошёл ради знакомства. В курилке Прилепский достал из кармана

шикарную коробку дорогих сигарет «Тройка», взял сигарету в зубы.

– Закуривай! – он театральным жестом протянул мне коробку. – Ой, извини, последняя осталась, последнюю не забирают, – он, спрятав коробку в карман.

– Да ничего, обойдусь, – ответил я и подумал, что у Аркадия редкие зубы, вероятно большой вун. Этот эпизод оставил во мне какой-то неприятный осадок. Впоследствии, я замечал, как Прилепский неоднократно проделывал такой трюк с «Тройкой».

Исходя из его прикида и прочей экипировки я бы не сказал, что Арканя из малообеспеченных. Но он постоянно занимает деньги, у всех подряд, по мелочи, а потом забывает возвращать. Доходит до того, что у него приходится выпрашивать свои же вещи или деньги. Прилепский неделю не вылезает из моего отличного китайского свитера, а ведь просил лишь разок сходить на свидание.

Меня корбит от его привычки выставлять напоказ интимные подробности своей жизни. Но я не возникаю, приучаю себя терпеть, в работе контрразведчика придётся столкнуться с чем угодно.

Вечером Прилепский начал хвастать своей очередной пассией.

– Зиночка у меня! Что лицо, что фигурка, всем взяла! – восторженно, визгливым голосом, рассказывает он. – Женюсь, пора остепениться. А в постели она мне и говорит:

«Аркашенька, какой ты большой!»

– Не может быть! – категорично возразил курсант из соседней комнаты Журавлёв. – Ты же метр с кепкой.

– А дурное дерево в сучок растёт! – хохотнул кто-то. Вокруг уже собрались любители пикантных подробностей. Прилепский замолчал, пикироваться с толпой не в его правилах. Он достал из тумбочки и развернул какой-то блёкло-синий свитер, протянул мне.

– Возьми, совсем новый. Твой не могу вернуть, младший братишка одел без спроса, какие-то шакалы его избили и раздели.

– Арканя, ты мне хочешь впарить эту дерюгу, которой цена двадцатка в базарный день, вместо моего шикарного китайского свитера? Мой шестьдесят стоит! – возмущению моему нет предела.

– Стоил, когда был ненадёванный, – начал торговаться Прилепский.

– А я его два раза всего одевал. Ты больше моего носил.

– Сам мне давал, не украл же я, – упирается Арканя.

Вот же какая тварь, морду ящиком и, хоть в глаза ему насы. А какой свитер был! Яркого, насыщенного алого цвета, мягкий, пушистый, излучающий тепло. Его подарила мне мать на день рождения ещё во времена советско-китайской дружбы, он тогда мне велик был и долго лежал в ожидании своего часа. На нём даже брендовая этикетка «Дружба» была.

– Короче, Арканя! Гони мой китайский или шесть червонцев!

Страсти накаляются, дело явно идёт к мордобойю. Народу в комнате значительно прибавилось.

– А ты к замполиту сходи, он Аркашку быстро вразумит! – посоветовал кто-то мне.

– К замполиту не пойду, а зубы твои, Арканя, точно забью в глотку!

– Ну и дурак будешь, тогда Арканька пойдёт к замполиту. Вероятно, Прилепского не устраивал ни один из вариантов: ни замполит, ни зубы в глотке.

– Да ладно! – миролюбиво произнёс он. – Бери этот и двадцатка сверху. Годится?

– Хорошо, договорились, – скрепя сердце согласился я, понимая, что в любом случае, роскошного китайского свитера мне не видать, как своих ушей.

Мы будущие контрразведчики. Преподаватели говорят, что наши учебные дисциплины не отличаются от тех, что изучают разведчики. Они всячески стараются убедить нас в том, что контрразведчик умнее разведчика, иначе шпионы были бы неуловимы. Но мы, обсуждая между собой этот вопрос, приходим к противоположным выводам.

– Кто сказал, что разведчик глупее контрразведчика? – вопрошает на перерыве в курилке отличник Олег Кулибаба. – У нас по всему миру разведка, а много ли их поймали?

Раз – два и обчёлся!

– Это верно. Наши контрразведчики тоже не блещут, Пауэрса поймали, да Пеньковского разоблачили, а больше и не слышно.

– Разве Пауэрса контрразведчики сбили? Я думал ракетчики, а поймали колхозники! – слышится чей-то иронический голос.

– Лапшу вешают преподы.

– Потому и вешают, чтоб не заваливали рапортами о переводе.

– Что бы вы ни говорили, а разведка, это совсем другая жизнь. Другие страны, постоянное чувство опасности, экзотика, – продолжает Кулибаба. – А что ждёт опера-контрразведчика в Союзе? Скудная рутинная работа! Охота на инакомыслящих, на рассказчиков политических анекдотов, короче, борьба со своим народом.

– Вот только утрировать не надо, развёл здесь западную пропаганду! – перебил Кулибабу курсант, с талантливym лицом комсомольского вожака, Пучков. – Ты забыл, что есть шпионы, есть игра с разведкой противника и много ещё интересного в работе контрразведчика.

– Брось, Пучков! Где ты игру видел, в кино? Мы здесь не на комсомольском собрании. Кто ты такой, чтобы меня учить. Хочешь накапать? Беги, стучи! – оборвал Пучкова Кулибаба.

Откровенно говоря, любой из нас с радостью пошёл бы

служить в ПГУ¹¹, да кто возьмёт, туда попадают по большому благу. Позже, когда шли на обед, Прилепский продолжил этот разговор:

– У меня дядя в МИДе работает. Так что не переживай, нам с тобой места в разведке обеспечены.

– Тебе может и обеспечено, а у меня дядя слесарем работает.

– Ты за кого меня принимаешь!? – возмутился Арканя. – Неужели я только о себе думаю? Буду разговаривать с дядей за нас обоих. Мать к нему зашлю, она его быстро уговорит.

А Олег Кулибаба, как-то незаметно, исчез с той поры, словно растворился, был и нет его.

Сегодня Прилепский превзошёл самого себя: пригласил меня в кабак, предупредительно уведомил, что все расходы его. Я ему понадобился, пока не могу понять зачем.

– Сейчас зайдём за Зиной, я её тоже пригласил. Пора мне с ней разбежаться, – по дороге начал Прилепский.

– Чего так, вроде обожал её, жениться собирался? – спросил я.

– У неё, оказывается, ребёнок где-то в деревне у бабки. Ну нет у меня к ней любви, зачем себя насиловать!

– А я тебе зачем? Развод не свадьба, свидетели не требуются, – допытываюсь я. – Жеребец на замену что-ли?

---

¹¹ ПГУ – Первое Главное управление КГБ СССР, предшественник нынешней службы внешней разведки – СВР (прим. автора).

– Понимаешь, любовь глупа, я ей сдуру золотое кольцо подарил. Забрать бы надо.

– Забери!

– Мне самому как-то стрёмно назад требовать. Тебе проще, ты посторонний.

Зиночка оказалась прехорошенькой, понятливой и покладистой девочкой. За скудным столом, на котором махонький графинчик с водкой, да по тарелке салата из помидоров, Прилепский многословно и витиевато изложил ей версию о несходстве характеров.

– Это из-за того, что у меня ребёнок? – в упор спросила Зиночка. – Ты даже не видел его, а бежишь, как от огня!

– Зиночка! Ты бы не могла вернуть ему кольцо? – ускорил я развязку, отлично зная Прилепского и понимая ненужность дальнейших излияний.

– Да верну я кольцо, не думайте, что зажимаю! – она встала и пошла к выходу.

– Ну что, двинули! – заспешил Арканя, проглатывая остатки салата.

На другой день он показал мне тоненькое золотое колечко и сказал: «Два грамма. Чуть не улетело коту под хвост».

Глава шестая

После работы, Маринка – стройная, красивая девятнадцатилетняя девушка, решила зайти к подруге Виктории, узнать о её делах, давненько не виделись. Марина коренная ленинградка, очень гордится этим и за город почитает лишь родной Питер. Всё остальное для неё провинция, деревня. Даже Москву Маринка называет большой деревней.

На ходу она размышляет: «Почему другим везёт в жизни по-настоящему, а мне только по мелочёвке. Взять Вику, приезжая деревенская дурёха, хотя и хороша собой, живёт в отличной двухкомнатной кооперативной квартире, доставшейся от умершей тётки по наследству. А чем я хуже её? Почему я должна ютиться в тесной коммуналке? Вот, с младшим братом опять повздорила и все из-за тесноты, никакого тебе личного пространства. Конечно, такими подругами, как Вика, не бросаются. Она хоть иногда и достаёт своей простотой, но эта простота в ней и притягательна. Все нынче хитрят, ищут свою выгоду, а Вика без хитростей, бескорыстная. И квартирой её всегда можно воспользоваться. Пожалуй, поживу у неё немного, отдохну от своих».

Размышляя, Маринка успевает замечать восхищённые, призывные или откровенно похотливые взгляды встречных самцов. Её слух ласкают доносящиеся реплики: «Клёвая чуви́ха! Потрясная тёлка! Во мочалка! Великолепная самка!»

И сердце веселее стучит в груди, вызывая неуёмную жажду жизни. Чем ближе подходит Маринка к дому Виктории, тем больше уверяется, что жизнь не так уж и плоха.

Зайдя к подруге, Марина не узнала её, Виктория стала какой-то нервной, слезливой.

– Вика, что случилось? Рассказывай!

– Что рассказывать? Плохо всё, – Виктория уткнулась подруге в плечо.

– Ты это брось! Что за привычка появилась, сразу в слёзы? Всё плохо не бывает, что-нибудь да будет хорошо. Рассказывай, давай!

– Залетела я, Мариночка. Ох, что же мне теперь делать?

– Да ты что! – ахнула Маринка. – От Нарика?

– Нет, с Нариком я давно завязала.

– Почему? Такой обходительный и щедрый молодой человек!

– Уже месяца полтора будет. Он оказался такой скотиной. Козёл! Прихожу раз к нему, он совсем невменяемый, накурился своей анаши. Сделать со мной ничего не может, желание есть, возможности пропали. Тогда он вскарабкался на меня верхом, положил балду на грудь и говорит: «Ты что, заснула? Быстро хватай его в рот, или тебе вилька подавать нада!»

– И, ты что? Взяла?

– Щас, разбежалась! Он, наверно, неделю не мылся, запах такой отвратный. Столкнула его на пол и ушла.

– Да уж! В их конуре никаких удобств, даже помыться негде, – с ноткой сочувствия произнесла Маринка.

– Так он меня убить грозился! – пожаловалась Виктория.

– Как это?

– Обещал взорвать! Пока я одевалась, он всё барахтался на полу и угрожал, говорит: всё равно сука тебя заминирую.¹²

Маринка года на полтора постарше Вики и, умудрённая опытом, с каким-то превосходством в голосе сказала:

– Никто не довёл тебя до такого состояния, когда ты не то, что взять, проглотить его будешь готова, вместе с обладателем. Не встретила ты ещё такого.

– Неужели и такая бывает любовь? – изумилась Вика.

– Деревня ты, провинция! Любовь, не любовь. Чего только не бывает на свете.

– Я не деревня, я из Ярославля! – обиделась Виктория.

– Не обижайся! Вот, скажи, ты бы легла под негра? Настоящего, африканского.

– Ну, не знаю, страшные они какие-то. – Вике отчётливо представился огромный чёрный, как антрацит, вращающий белками глаз, детина в набедренной повязке из пальмовых листьев. Она даже глаза зажмурила.

– Вот видишь! Страшные, а ты не знаешь! Не знаешь, значит это возможно. Потому, что в душе ты надеешься получить от этого негра пять видов оргазма за один сеанс. Так

---

¹² Заминировать – производное от «минет», приучить к оральному сексу (жаргон).

ведь? – допытывается Маринка.

– Ты совсем меня запутала. Сказала, не знаю!

– Не знает она. Передо мной-то овечкой не прикидывайся! А прихватила от кого?

– От Ра-африка-а! – опять всплакнула Вика.

– Когда ж ты успела? Ох и сука ты, Виктория! Ты же меня с Рафиком познакомила! А сама так, значит?!

– Прости-и меня, Маринка-а-а! – заголосила Вика. – Вот возьми, мне ничего от него не надо.

Она сняла с шеи тонюсенькую золотую цепочку и подала Марине.

– Ладно, ладно. Успокойся, рассказывай, как было, – великодушно простила Маринка, пряча неожиданный дар в косметичку.

– Так и было. Когда я ушла от Нарика, мне случайно встретился Рафик. Он мне посочувствовал, проводил, как-то вошёл в моё положение. Я и не поняла, как он оказался у меня в постели.

– Она не поняла! Оно и видно, что «вошёл в положение», – съехидничала Маринка.

– Потом мы ещё встречались, несколько раз. Как только я сказала, что в положении от него, он меня бросил. Говорит: «Эт не мой, эт Нарик. Лубиль кататься, луби и саночку возит».

– Ты не переживай, что-нибудь придумаем. Какой срок говоришь?

– Три недели.

– Бортануться надо! – авторитетным тоном заявила Маринка.

– Тебе легко рассуждать. Эскулап сказал, ещё аборт и рожать не смогу, никогда.

– Тогда замуж, пока брюхо не выперло!

– Давно была бы замужем, за кого попало не хочется.

– Ты посмотри на неё, ещё и кочевряжится! Ладно, меня тут приглашают на одну тусовочку. Пойдёшь со мной! – подвела черту Марина.

Глава седьмая

Бал устроен, по случаю праздника «Восьмое марта», в большом зале столовой. Я сижу за столиком охраняю, чтобы не заняли и, со скучающим видом «знатока», оцениваю прекрасный пол, доставленный из соседнего учебного заведения. Прилепский ушёл на промысел, пообещав скоро вернуться с девочками. Додумался же замполит! Строго предупредив нас об ответственности за растление малолетних, пригласил медучилище. Не на кого глаз положить, одни малолетки, и кураторша с ними, словно квочка с цыплятами. Я мысленно прозвал их ссыкухами. Хотя, некоторые подают надежды, что со временем из них выйдет что-нибудь стоящее. Их кураторша при себе держит.

А вот у входа появилось что-то интересное, две шикарные девицы, жгучая брюнетка и прелестная блондинка, обе синеглазые, одна красивее другой. К ним, со всех сторон, бросились курсанты, знакомиться и приглашать за свои столики. Девчонки оказались разборчивыми, они, не спеша, оценивающе осматривают зал. Постепенно, образовавшееся скопление людей возле них стало рассасываться.

Вернулся Прилепский, один.

– Арканя, где же ты оставил наших девочек? – ехидно спросил я.

– А мы сейчас вот этих возьмём, смотри какие тёлки! –

самоуверенно заявил он.

– К этим ребята уже подкатывали помидоры, полный отлуп.

– Значит, сейчас они как раз созрели, думают: как бы не остаться при своих интересах. По-твоему, зачем они здесь? Пять минут и любая из них будет в моей постели! – самоуверенно заявил Прилепский.

– А почему не обе сразу?

– Вторую я тебе подгоню.

Он направился к двум девушкам.

– Привет девчонки! – сказал Прилепский. – Хотите узнать, как меня зовут?

– Прямо сгораем от любопытства, – игриво сказала блондинка.

– Есть такое красивое имя, Аркадий. И Аркадий, то есть я, вас приглашаю, столик ждёт, прошу за мной.

Девчонки молчат, не двигаясь с места.

– Ну, девочки! Что вы такие замороженные? Идём! – он решительно взял блондинку за руку. Та вопросительно взглянула на подругу. Но брюнетка категорично заявила:

– Как-нибудь в другой раз Аркадий, а сейчас отвали, не до тебя нам!

По её раздражённому тону Прилепский понял, это облом и другого раза не будет. Не теряя время на пустые уговоры, он решил сделать ещё круг «по медучилищу»: вдруг появилось что-нибудь новенькое.

– Симпатичный парень, ты зачем его отшила? – обиделась Виктория.

– На рожу смазливый, но не наш калибр, – отмахнулась Маринка. – Он тебе до уха не дотягивает.

– Я могу и без каблуков, – не сдаётся Вика.

– Ты что, читать не выучилась, или ослепла? Тебе очки прописать? – вспылила Марина. – То не хочет кого попало, то на первого встречного вешается. На нем же светящимися буквами написано: АЛЬФОНС! Хочешь замуж, слушай меня! Посмотри-ка! Как тебе во-он тот, за столиком у стены?

– Вроде ничего, хороший, – заинтересовалась Виктория.

– Стой здесь, я сейчас. Никуда не уходи! – приказала Марина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.